

ОБ АВТОРЕ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Я родился в 1961 году.

Город Горький, а именно в нем мне посчастливилось появиться на свет, был «закрытым». Большое количество предприятий, работающих на оборону СССР, не давали возможность заграничным туристам посетить наш райский уголок на слиянии Волги и Оки.

Как следствие, полки в наших магазинах были пустыми, а мы росли патриотами.

Обуреваемый жадой строительства светлого нового общества, я поступил в Горьковский инженерно-строительный институт, окончив который пошел уверенной походкой строителя коммунизма работать мастером в строительном-монтажном управлении № 7.

Тут-то я и споткнулся первый раз.

Именно там, в холодной прорабской, солнечным январским днем я начал писать стихи.

Да, было стыдно. Да, никому не показывал. Прятал измятые листочки в карманы одежды, а мама, перед тем как ее стирать, складывала их в папочку.

Из этой папочки и родилась в 2000 году первая книга стихов.

Кстати, мама долго не верила, что из меня получится литератор, а папа, отсидевший десять лет в ГУЛАГе, верил — он видел и не в такие чудеса.

Между тем надо было кормить семью (стихами, увы, сыт не будешь), и я снова пошел уверенной походкой, теперь уже по дороге строителей капитализма.

Этот извилистый, тернистый путь и завел меня на пятнадцать лет в депутаты Городской думы Нижнего Новгорода и довел до должности заместителя главы города.

Тут я споткнулся второй раз. Окружение давало такое количество литературного материала, что я не смог сдержаться и начал писать прозу.

Это занятие так увлекло меня, что увело из Городской думы в свободное плавание, в котором я и пребываю по сей день.

* * *

По майскому небу
летит гражданин
в сером пальто.
Казалось бы,
нет особых причин,
и не летает никто.

Казалось бы,
правильно — быть внизу,
где по свежей
майской траве
граждан в серых пальто везут
навстречу счастливой судьбе.

А он летит себе
в облаках,
шляпа еще набекрень!
То ли сам дурак,
то ли в дураках
останется этот день...

* * *

По божьей, похоже, милости,
а может, усмешке дьявола
ко мне ты спустилась, милая,
в момент совершенно адовый.

Пока в облаках сиреневых
закат, догорая, мучился,
я думал — пришло прозрение,
все точно теперь получится!

Сжимались сосуды в ниточку,
в виски било сердце молотом,
и я за твою улыбочку
отдал бы любое золото.

Мне пела песню охрипшую
судьба под шарманку нищего,
и карты сдавала, подпившая,
мне жизнь на бумагу писчую.

Я видел — карты крапленые,
но шел ва-банк опрометчиво,
а что нам, когда мы влюбленные,
терять-то особо нечего!

Терять-то лишь небо полынное,
да пух одуванчика белого,
да размышленья постылое:
было ли что-то,
не было...

* * *

Мимолетная встреча. Дрожание рук
и перекрестье взглядов.
Нам еще далеко до разлук,
до измен и разладов.

До холодной и тягостной мглы
равнодушия и безразличья,

далеко до сумы, и тюрьмы,
и до маски двуличья.

Мимолетная встреча, она
словно море,
и горячая страсти волна
нас накроет...

* * *

И снова танго, объятия
и поцелуи в ночи,
и снова снимаешь ты платье
под яркое пламя свечи.

Мы снова танцуем неспешно,
тебя я веду,
и ты отвечаешь, конечно...
Благодарю я судьбу!

За наше танго нежное,
за блеск твоих чудных глаз,
за время безмятежное,
что Бог нам надолго даст.

* * *

Я целую тебя спящую,
и далекую, и близкую,
недоступную, манящую,
а вокруг желания искорки.

Я целую тебя с нежностью,
ты тихонько отзываешься,
сонно-томно-неокрепшая,
улыбаясь, раскрываешься.

Всю целую тебя ласково,
проникая в потаенное,
и плывем как будто в сказке мы,
все от страсти раскаленные...

* * *

Любовная бессонница,
под утро зыбкий сон,
томление в груди
и шелк чуть влажной кожи,

пластинка все звучит,
и старый патефон
все крутит черный диск,
вдруг становясь моложе.

А были времена,
под томный саксофон
сплетались в темноте
тела самозабвенно,
и дым от сигарет,
и долгий сладкий стон,
и тихий шелест звезд
отзывчивой Вселенной.

Иные времена настали,
но вчера
достали патефон
и старые пластинки,
и музыка лилась до самого утра,
то звучный саксофон,
то плач волшебной скрипки.

И рядом снова стон,
и вновь сплелись тела,
и тени, как тогда,
на потолке сливались,
а за окном одна
забытая луна,
а в комнате любовь
на белом покрывале.

* * *

Танцуй со мной до конца любви,
на крыше и в море.
Ко мне по волнам не бойся, беги
и в счастье, и в горе.

По небу рассыпали жемчуг звезд,
и в раме оконной
Созвездие Девы
мне ангел принес,
увы, незаконно...

Неверьем в судьбу
судьбу не гневи
и Бога, конечно!
Танцуй со мной до конца любви,
Практически бесконечно!

* * *

Разница во времени
не фатальна,
разницы в возрасте
просто нет,
пока мы двигаемся
горизонтально,
вдали от проигрышей
и побед.
Пока разговариваем
тихо,
пока в ладонях
изгибы тела,
вся мировая
неразбериха
по фиг!
Нам до нее
нет дела!
Все морозы
и снегопады
не напугают
горячие души.
Часто вопрос
задавать не надо,
ответ уже
прошептали в уши.
Дни затянулись,
но ненадолго,
время тащится,
но так, налегке...
А впереди —
просто дорога,
и твоя рука
в моей руке.

* * *

Во всем, что казалось бессмысленным,
есть скрытый, загадочный смысл.
Шуршащими крыльями-листьями
по осени парусник плыл.

Над черно-зеркальными лужами,
под небом свинцовым,
и по
воздушному легкому кружеву,

и по
разноцветным пальто.

Раздув паруса свои белые
под взглядами странных людей,
летела вперед каравелла,
и
все птицы летели за ней.

И в осени этой таинственной,
с плывущим по ней кораблем,
для встречи с той самой, единственной,
наверно, на свете живем.

* * *

Как быстро закончилось лето,
как быстро проносится жизнь...
Жаль, нет проездного билета.
Не крикнет никто: «Пристегнись!»

В полночный гипноз полнолуныя
вползает гадюка-беда,
туда, где незлая колдунья
тебе ворожила всегда.

Теперь, как завзятая лгунья,
прикрыв ядовитый укус,
в беспамятстве шепчет колдунья:
«Судьбу намотай ты на ус!»

Клубок неудачи намотан,
размотан удачи клубок.
Обычная, в общем,
забота —
когда ты хотел, но не смог.

И, дамой довольно капризной,
судьба в закоулки ведет.
Там правят налетчики тризну
и быстро возьмут в оборот,
хотя ты не верил в приметы
и долго мечтал пировать...

Так быстро закончилось лето,
что осень бы не прозевать.